

Мы — Белого моря, Зимнего берега народ. О Борисе Шергине

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА

Шергины — фамилия поморская. Шерга на Русском Севере означает мелкую стружку. Стало быть, родоначальник рода Шергиных был близок плотницкому ремеслу. Известно, что Шергины из Великого Устюга, а отец писателя вырос уже в поморском селе и был знатным штурманом. Да и мать была из архангельского предместья Соломбала, откуда родом знаменитые корабельные мастера. Они — поморы, кровно связанные с морем, с рекой, с рыбным промыслом или охотой. Поморы не осваивали Север и не приручали природу — они жили на северной земле. И горячо ее любили.

Борис Викторович Шергин (1894–1973) родился в Архангельске, и каким же счастливым было его детство! Мальчишкой полюбил родной город, северный уклад жизни, веру, культуру Поморья. У Шергина рано обнаружился художественный талант: он срисовывал орнаменты и заставки старинных книг, учился писать иконы в поморском стиле, школьником начал собирать северные народные былины.

В России всегда с уважением относились к поморам, к Архангельску. Недаром русские поселенцы назвали главный город Аляски Ново-Архангельском. А с начала XX в. в русском обществе резко возрос интерес к природе и древней самобытной культуре Поморья. Во многом этому способствовало то, что промышленник Савва Мамонтов, понимая значение Севера для России, проложил железнодорожную ветку из Вологды в Архангельск. Чтобы познакомить публику со своим делом, Мамонтов организовал путешествие по Поморью художникам Валентину Серову и Константину Коровину, а затем на Нижегородской ярмарке устроил выставку, посвященную этому краю. Выставочный павильон был декорирован не только картинами: там были привезенные из путешествия шкуры белых медведей и тюленей, бочки с рыбой, шерстяные рубахи поморов, морские канаты. Коровин писал: «Какой чудесный край, Север дикий! Ни капли злобы здесь нет от людей. И какой тут быт... и какая красота!.. Я бы хотел остаться здесь навсегда».

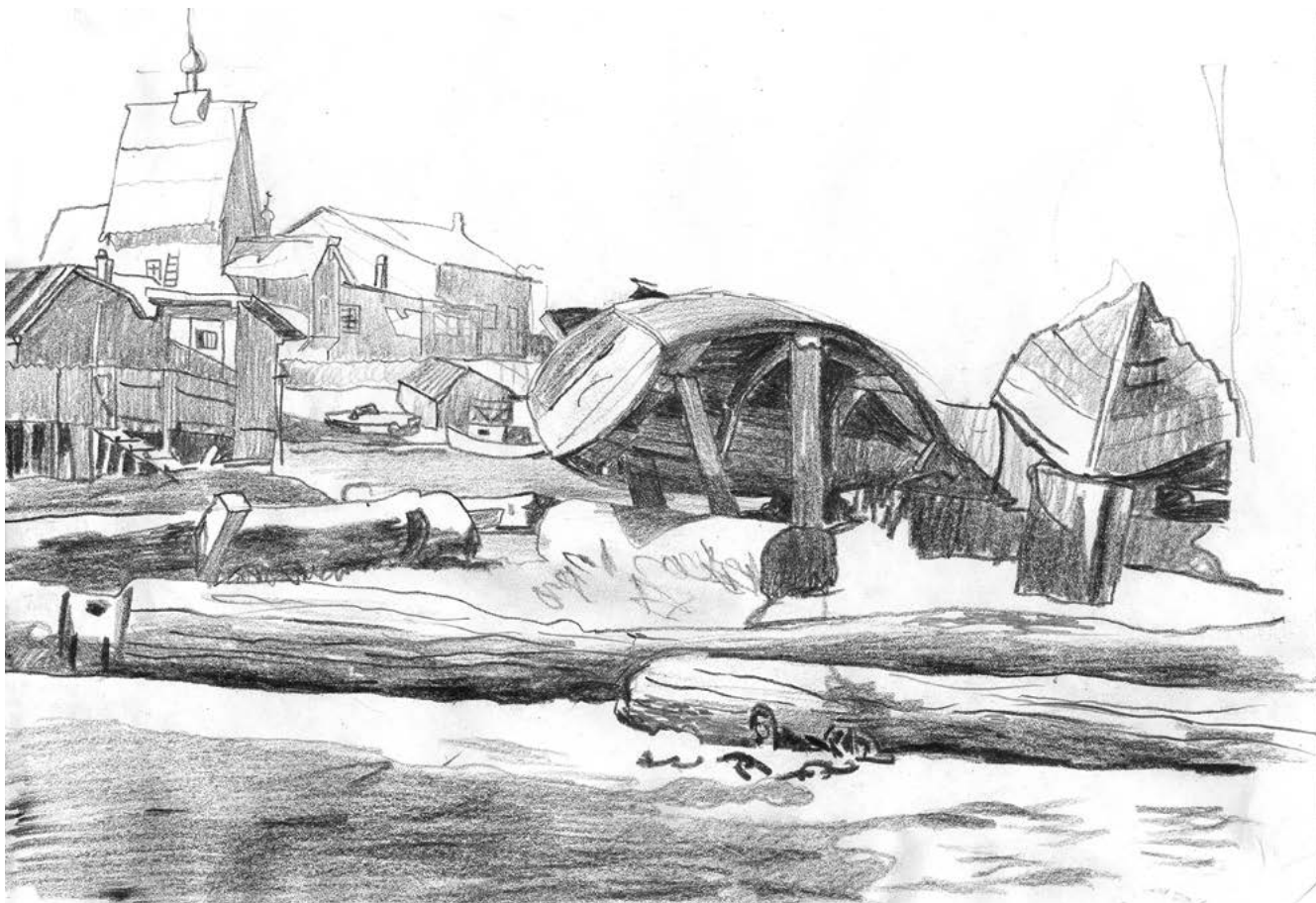
Этот свет Севера навсегда приворожил и Шергина. Он закончил гимназию в Архангельске, затем московское Строгановское художественное училище, и вернулся в свой

город. Его интересовали северные народные промыслы, в частности холмогорская резьба по кости. После революции он пытался сохранить, уберечь в новых условиях как можно больше. Но не суждено было Шергину остаться на всю жизнь в родных местах.

Если прежде своеобразие Архангельска составляли флотилии судов, груженных рыбой, то с 20-х гг. буксиры поволокли сюда баржи с высланными крестьянскими семьями. По свидетельству Степана Писахова, знаменитого северного писателя и художника, друга Шергина, уже в 1920 г. в Холмогорах жгли иконы и книги древнего письма. Шергин, не в силах видеть это, расстался со своей родиной и уехал в Москву. Просто тот Архангельск, который он так любил, с приходом новой власти быстро умирал: «свет тихий погас». Радость ушла, а если «радости нету» — ничего нет. Так понимал писатель.

Еще студентом в 1915 г. Шергин начал выступать на эстраде с чтением северных былин, иногда вместе со знаменитой северной сказительницей М. Д. Криволеновой. Этот край был полон сказаний — ночи-то северные длинные... Это был еще один отзвук модной в поэзии Серебряного века крестьянской темы: одновременно с Шергиным дебютировали крестьянские поэты Клюев и Есенин. В Москве после революции к его творчеству, по счастью, сохранялся интерес, он продолжал выступать как чтец, его даже приглашали в известные семьи. Шергин, легкий на подъем, успешный и популярный, записывал пластинки, читал на радио свои рассказы, писал книги. Рядом с ним были близкие по духу люди.





Вышедшую только в 1947 г. книгу «Поморщина-корабельщина» Шергин любил и называл своим репертуарным сборником: она объединяла произведения, с которыми он выступал в военные годы в госпиталях. Но судьба книги трагична: она попала под постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Книгу «Поморщина-корабельщина» назвали псевдонародной и обвинили в том, что с ее страниц «пахнет церковным ладаном и елеем». Имя Шергина было ошельмовано, его назвали осквернителем русского языка и забыли о нем на долгие годы. Только в конце 50-х гг. о Шергине отозвался добрым словом авторитетный писатель Леонид Леонов, да и время уже было иное — «оттепель». Старого писателя вспомнили, словно заново открыли и начали печатать. Знаменитый художник, иллюстратор детских книг Виктор Чижиков рассказывает, что когда он и его товарищи-писатели познакомились с творчеством Шергина, то немедленно принялись говорить «по-шергински».

Собственно, все творчество Шергина посвящено поморщине-корабельщине. Торжественно и образно говорит он о море, словно боится прогневать: «Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море. В море долги и широки пути, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег. Гремят голоса, как голоса многих труб, — голоса моря, поющие ужасно и сладко. А пошумев, замкнет свои тысячеголосые уста и глаже стекла изравняется. Глубина океана — страшна, немерна, и будет столь светла, ажно и рыбы ходящие видно».

Его воспоминания о детстве в сборнике «Отцово знание» начинаются с рассказов о Двине, город жил по ее зако-

нам: «Великое дело у нас ледоход. Иной год после суровой зимы долго ждем не дождемся. Вскроется река, и жизнь закипит. Пароходы придут заграничные и от Вологды. Весело будет... Горожане — чуть свободно — на угор, на берег идут. Двина лежит еще скована, но лед посинел, вода простушила всюду. В школе — чуть перемена — сразу летим лед караулить. По дворам лодки заготовляют, конопатят, смолят. И вот топот по всему городу. Народ табунами на берег валит. Значит, река пошла. Гулянья по берегам откроются. Не до ученья, не до работы. На городских башнях все время выкидывают разноцветные флаги и шары; по ним горожане, как по книге, читают, каким устьем лед в море идет, где затор, где затопило».

Город помнится ему оживленным, корабли со всего света, «упестренные цветными ветренницами-флагами», стояли у архангельских причалов, а поморы и двиняне, сами не раз за границей бывавшие, «могут спросить и ответить на любом языке». Движение по Двине безостановочное: снуют пассажирские парходики, на парусах летят «острогрудые двинские карбаса», а Двина-то глубока — вот и «океанские пароходы ходят взад и вперед, поворачиваются и причаливают к пристаням без всякой кручины». Тут и реалистичное описание Архангельска, и поэтическое воспоминание об утраченной родине.

В славном рассказе «Миша Ласкин» Шергин знаком родного города называет запах шиповника, разросшегося по берегам: если книги и рисование в детстве — дело зимнее, то посадки душистого шиповника, чтоб весь берег пахнул розами, и заботы о лодочке, чтобы рыбу промыслить, — летние заботы.

Шергинские рассказы просты. Это скорее фрагменты острой памяти, переведенные в народное северное слово и в «живой фабульный рассказ».

Зуек — северная птичка; так же называли и мальчиков вроде юнг, ходивших вместе с рыбаками на Мурман. О них — в зарисовке «Мурманские зуйки». Брала мальчиков лет с девяти, зуйком начинал знаменитый северный капитан-помор В. И. Воронин. Обязанностей у зуйка было полно: готовка, мытье посуды, баня, уход за снастями. Да и песню затянуть должны уметь. Так привыкали к морскому делу, к промыслу, да и плата была немалой: десять пудов одной соленой рыбы. Это помимо 50 рублей и при полном содержании. К морю прикреплялись навсегда, трудностей не боялись: «Брызнет зуйку в лицо крепким морским рассолом — и... вся грусть забудется! Которая слеза и катилась, та назад воротилась. В море простор, ширь, свет, любо в море!».

Поморы — природные рыбаки и охотники, а значит, и мореходцы. А у каждого мореходца, да и у всякого архангельского мужика, кроме «Расписания» и печатных лоций, «есть записная книжка, где он делает отметки о времени поворота курса, об опасных мелях, об изменении фарватера в устьях рек». А старые мореходцы на память знают эту науку, а как не знать ее в Студеном море!

Кстати, глубокое почитание моря выражалось еще и в том, что на домах поморов крепились модели судов. Они, по словам исследователей, обозначали не только профессиональный статус их владельцев, но наделяли весь дом «корабельной аурой».

Незабываемы для моряков Шергина такие моменты: у руля ревет капитан, по многу суток не спит и не ест команда. И есть причина: «Самое опасное место в туманы Горловина — выход Белого моря в океан. Тут всегда волнение, толкунцы. Выбежит шкуна из Белого моря, тут во все стороны Ледовитый океан. Когда корабль идет на Печору или на Новую Землю, поворачивают направо, на восток. А Мурман пойдет на запад, влево. Мурманский берег скалистый. Горы черные, древние, как медведи, лежат. Тут взводень, вал морской, горой ходит, песок со дна воротит. Кораблик в океане как чаечка маленькая. И подвигается на него “девята” — девятый вал, что всех больше... Вал черный, гребень белый — кружево белое на черном бархате. “Ну, — думаешь, — сейчас закроет — и все тут...” Ан нет! Подымет кораблик этим валом, качнет на гребне, как мать ребенка, да и спустит вниз. Только сердце екнет да в животе холодно. А впереди другой вал, тоже с дом величиной. Как кони вороные с седыми гривами, валы летят по океану».

Иногда кормщик в трудный момент поступал, словно чудодей, хотя в основе всех капитанских чудес были морская практика, превосходное знание берегов. Об этом рассказ «Новоземельское знание», о кормщиках Анкудинове и Узком. Большого опыта требовало плавание по Белому морю и по океанским водам. Наука кораблевождения, пишет Шергин, обозначалась у поморов словом «знание»: «Различались новоземельское знание — умение водить корабли вдоль берегов Новой Земли; двинское и соловецкое знания — вождение судов на сложном фарватере Двины, среди многочисленных островов и шхер».

«Сложнейшие объяснения по каботажному плаванию помор облакает в формы настолько образные, что схватываются сведения эти на лету и запоминаются навсегда», —

еще одно достоинство поморов-мореходцев, и нельзя иначе! На Севере надо всегда помнить о смене, а с молодыми грех разговаривать слишком по-ученому; лучше по-простому, ориентируясь на народную поэтическую речь. Вот какие высказывания приводит Шергин в предисловии к «Поморщине-корабельщине»: «Наглядно, просто мужик-северянин дает ребятам первые понятия по “технологии дерева”»: Как наша лиственница — таков дуб-от. И лиственнично бревно и дубово мало видно из воды. А березу не видно, вровень с водой пльвет. Сосна тоже тяжела... Елка всех легче, на виду в воде, как поплавок. Сосна намокнет, ель не мокнет... Осина не гниет и мягка, и в работе ловка. Осиновую лодку не крась, не смоли, а шей лодку вересом... При гвоздях бортовины скоро отпрянут, а прошьешь вересом — веково...». Вересом поморы называли можжевельник.

К поморскому «знанию» добавлялось «художество» (так поморы называли судостроение), замечает Шергин. Подробно, поэтическим языком рассказывает он о мастере, что был нарасхват. Это рассказ «Рождение корабля»: «Славен в корабельщиках Конон Иванович Тектон... Он родился у Белого моря, на Кемском берегу, в бедной рыбацкой семье. Пройдя наше поморское судостроительство, уехал в Норвегию и Данию. Здесь изучал языки английский, немецкий, норвежский, математику, навигацкие науки, морскую астрономию, рисование. Не покидая наук, работал на верфях. Суда у нас строили: шкуны, боты, гальоты, лихтеры, кутера, елы мурманские, шнеки, карбаса морские и речные. Прежде были лоды, бригантины, кочи, барки — все большие корабли, на них давно мода отошла».

С благодарностью вспоминается Л. В. Носырев, режиссер-мультипликатор, очарованный творчеством Шергина. Возвращая интерес публики к рассказам писателя, Носырев поставил несколько прекрасных мультфильмов по его текстам. Один из них — «Поморская бьль» — создан по рассказу «Для увеселения». Он — о духовной силе поморов — братьев Личутиных, Ивана и Ондреяна, архангельских корабельных резчиков, которые, оказавшись на острове без надежды на спасение, решили не предаваться тоске, а оставить о конце своей жизни уведомление: «Если не разыщет родня, то приведется, случайный мореходец даст знать на родину», нашли доску, вырезали богатую раму, искусно вписали слова. Не только уведомили, но еще и отдали последний долг своему делу — искусной резьбе. Вырезаны были такие слова:

Чтобы ум отманить от безвременной скуки,
К сей доске приложили мы старательные руки...
Ондреян ухитрил раму резьбой для увеселенья;
Иван летопись писал для уведомления,
Что родом мы Личутины,
Григорьевы дети, мезенские мещана.
И помяните нас, все пльвущие
В сих концах моря-океана.

Низко кланялись этому месту поморы и хранили память о них.

Еще важное наблюдение. Шергин, по мнению исследователей его творчества, был своего рода посредником между традиционной поморской культурой и современным ему человеком, но, как ни странно, еще и между Поморьем и Скандинавией. В советское время он постоянно касается в своих рассказах Норвегии и Дании, поморской торговли



Борис Шергин и Степан Писахов. Вступление к сборнику мультфильмов Л. Носырева «Смех и горе у Бела моря»

с ними, даже припоминает синюю норвежскую посуду в домах Архангельска. У народов Севера сходная судьба, ценен был такой обмен опытом, корабельным, судоходным и культурным. Поморье было свободным краем, открытым миру. Вот и отец Шергина ходил за границу: «На шнеке, древнем беспалубном судне, еще мой отец плавал в “Датску” — Норвегию. Рассказывал: как придем в Стокгольм или Копенгаген на шнеках, профессора студентов приведут обмерять и рисовать наши суда — то де корабли древних мурманов (норманнов)».

В очерке «Запечатленная слава» Шергин отдает дань истокам поморской литературы, собственного творчества, поморскому «знанию» и «художеству». Он отмечает древнейшую поморскую — и, по его мнению, не оцененную! — традицию «закреплять свой опыт письменно». С точки зрения писателя, это была «литература стихийно-народная, самобытно-русская». Он относит к ней «Уставы морские», «Книги морского ходу» и архив уникальных записных книжек корабельщиков. Тут и образный поморский язык, и кладезь сведений о главных корабельных маршрутах из Белого моря (их называли морскими чертежами), об обычаях на море, о пульсациях морских течений. А карты морского дна, старорусские лоции, составлялись многоопытными людьми, они «своими боками обтерли» описанные пути.

Шергин отмечает, что «морские чертежи» составляли часто образованные монахи северных монастырей. Известно, утверждает Шергин, что игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев, будущий митрополит Московский, исполнял такие чертежи, понимая их важность для судоходства. Но огромный опыт поморов считался чем-то архаическим, вот и Петр I повелел им строить только по голландским образцам, не подходившим условиям Севера. Но что «царский указ перед натурой моря ледовитого», так что строили лодьи еще два с лишним века. Пренебрежение к опыту поморов, к «карбасному художеству» было столь велико, что адмирал Литке предпочел блуждать в поисках Маточкина пролива, нежели «окофузить себя услугами мужиков», досконально знавших Новую Землю.

Поморы были сильны своей любовью к достопамятности, но это не стремление увековечить себя, скорее желание запечатлеть для других явления живой жизни, передать опыт или донести до людей «памяти» — их оставляли по-

гибающие на бортовине судна, на случайных досках, на дверях, чтобы знали об их судьбе, а то и об их ошибках. Рассказ о братьях Личутиных — из этого ряда. Не потому ли, задумывается

Шергин, Север так долго являлся хранителем русского национального эпоса?

В целом его литературное наследие невелико, не более двух томов, просто многие рассказы переходили из сборника в сборник. Шергин, певец почти забытой северной русской культуры, в старости жил в Москве на Рождественском бульваре в коммунальной квартире, жил трудно. Он почти ослеп. Стол, стул и заправленная солдатская кровать — вся его мебель; еще рисунки на стенах да искусная модель парусника, сделанная отцом, — никогда с ней не расставался. Отец рано умер, и Шергин всегда с нежностью вспоминал его: «Зимой в свободный час он мастерил модели фрегатов, бригов, шкун. Сделает корпус как есть по-корабельному — и мачты, и реи, и паруса, и якоря, и весь такелаж. Бывало, мать только руками всплеснет, когда он на паруса хорошую салфетку изрежет».

Писатель Владимир Личутин, помор, так рассказал о поздних годах Шергина: «Я поразился вдруг, какое же бывает красивое лицо, когда оно омыто душевным светом... Я, молодой свежий человек, вдруг нашел укрепу у немощного старца». Он отметил огромные, уже незрячие глаза Шергина, его худобу, светлую улыбку, серебряную бороду и чуткие уши как два раструба, которые словно прислушивались к звукам мира. Он выглядел святым. А жил при всех лишениях, которые ему сопутствовали в старости, так полно, как многим и не снилось. Тому свидетельством его дневники. Страстно соглядал лик природы. И никогда не колотился, «как навага о лед».

После знакомства с творчеством Шергина хочется немедля поехать в Архангельск и посмотреть на Север его глазами, увидеть северные деревни, людей, древние церкви, карбаса, «светлый Гандвиг» — Белое море. И припомнить-прошептать: «В Белое море пала Архангельская Двина. Широка и державна, тихославная та река плывет с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем. Тут островами обильно: пески лежат, и леса стоят. Где берег выше, там люди наставились хоромами. А кругом вода...».

